

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ЭДИКТЫ «К НАРОДУ»

В.В. СЕРОВ

Алтайский государственный университет

e-mail: vserov@mail.ru

Статья посвящена одному из аспектов большой проблемы в византистике – проблемы взаимоотношений власти и народа в ранней Византии. Предметом исследования выбраны конституции императоров IV–VI вв., которые адресованы жителям столицы. Как известно, именно столичное население выступало в позднеантичный и ранневизантийский период в качестве одной из конституционных сил, которые в известной мере участвовали в судьбе императоров, начиная от интронизации. Поэтому императорская власть иногда обращалась к жителям главного города страны посредством эдиктов, и по содержанию таких официальных обращений можно судить как о степени влияния «народного фактора» на политику правительства, так и об эволюции позднеантичных форм политического действия в ранневизантийскую эпоху.

Ключевые слова: ранняя Византия, император, народ, эдикты, политика.

В одной из современных работ, посвящённых византийскому праву, содержится, среди прочих, интересная идея, привлекающая внимание заключённым в ней когнитивным потенциалом. Эта идея о существовании взаимоотношений византийского императора с «общественностью»¹ продуктивна потому, что, располагаясь на стыке нескольких важнейших тем (таких, как теория государственной власти, или роль народных масс в истории Византии), она способна участвовать в раскрытии каждой из них, но при этом обладает ценностью и как самостоятельная тема.

Целью настоящей статьи является развитие указанной идеи. В её задачу входит рассмотрение нескольких законодательных актов, связанных по смыслу с проблемой отношения ранневизантийских императоров к народу. Цель данного анализа – в том, чтобы создать новый ракурс видения данной проблемы и приспособить её для решения более важных и сложных вопросов политической истории ранней Византии.

Историография проблемы об отношениях императорской власти с так называемым «ранневизантийским народом» весьма скудна вследствие недостатка соответствующей ему источниковой базы. Отечественная и зарубежная византистика рассматривала «народ», прежде всего, как элемент политического процесса и, во вторую очередь, как этническое явление, но всегда в расширенном смысле. Важнейшим для нас результатом предыдущих исследовательских усилий в данном направлении является выделение из абстрактной «народной массы» понятия «народ» в смысле части городского населения, не равной в социальном ранжире городскому сенату и имперской администрации, тоже постоянно располагавшейся в городе². Здесь представляется возможным уточнить это определение, подчеркнув, что ранневизантийское понятие *populus* официально применялось к «народу» преимущественно двух городов – Рима и Константинополя. Конституции второй половины IV – середины VI в., в которых народ Константинополя предстаёт в качестве адресата, и привлекают внимание в связи с необходимостью более рельефно воспроизвести картину взаимоотношений императорской власти ранней Византии и городского (так называемого «столичного») населения.

В императорском законодательстве IV–VI вв. *populus* (или *δημος*) противопоставлялся по смыслу не только сенату, но ещё и провинциалам³. Так юридически проводилось

¹ Медведев И.П. Правовая культура византийской империи. СПб, 2001. С. 66–67.

² Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 165–166 (историография по теме «Роль народных масс в политическом процессе в ранней Византии» – здесь же, с. 161–164).

³ Например, С.Th. 15.14.5–352. Этот эдикт Констанция II особенно иллюстративен потому, что обращён «к народу и всем провинциалам» одновременно. В обоих кодексах немало конституций, имеющих в качестве адресата одних лишь провинциалов. «Провинциалы» различались не только по социальному происхождению, но и по месту проживания, однако при сравнении с «народом» утрачивали местные особенности и отличались от него так же, как куриалы отличались от сенаторов, а чиновники центральных ведомств – от местных чиновников. Очевидно, что отличие определялось не столько географически, т.е. близостью к персоне императора, сколько правом пользования «столичными» привилегиями.

разграничение внутри массы «римских граждан»⁴, постепенно становившихся «подданными»⁵, – категорией, внутри которой, тем не менее, правительство продолжало различать столичных граждан⁶. Стремление позднеантичных императоров соблюдать античную традицию, выделяя «народ» в качестве непосредственного объекта-получателя специальной информации, сохраняло устойчивость на протяжении почти всего ранневизантийского периода. Казалась бы, в этом факте содержится подтверждение общепринятого мнения о том, что императорское правительство признавало «особую роль народных масс»⁷ в политическом процессе, протекавшем в центральном городе страны. Благодаря анализу одной из разновидностей законодательного материала имеется возможность проверить эту точку зрения.

Конституции, адресованные *ad populum*, издавались большинством императоров ранней Византии, однако их количество в сравнении с общим объёмом законодательного материала IV–VI вв. нельзя назвать значительным: со времени Феодосия I и до начала правления Юстина I «народных» законов издавалось от одного до пяти за период правления, причём не каждого из ранневизантийских императоров⁸. Пальма первенства в издании подобного рода указов в позднеантичную эпоху принадлежит Константину Великому, который посредством эдикта обращался к народу Рима или Константинополя около двадцати раз, и ещё приблизительно столько же раз – к жителям провинций. В ранневизантийское время максимальное количество указов «для народа» опубликовал Юстиниан I (не менее 8)⁹. Несложный количественный анализ позволяет заметить отчётливую тенденцию постепенного (хотя периодически не ровного) уменьшения интереса восточных императоров к такой форме общения с населением «столицы», каким был эдикт *ad populum*. Едва ли сокращение количества конституций являлось следствием планомерной работы составителей кодексов; это предположение выглядит нелепым в свете общепризнанного представления об императорской заинтересованности в поддержании собственного патерналистского имиджа. Поэтому наилучшим объяснением указанному феномену будет констатация самого факта уменьшения интереса императоров к проблеме официального диалога с жителями Константинополя.

Далее, примечателен и тот факт, что большинство конституций *ad populum*, опубликованных в IV – начале V вв., направлялись к адресату из других, часто весьма отдалённых городов¹⁰: в Рим – из Аквилеи, Медиолана или Равенны, в Константинополь – из Фессалоники¹¹. Отсутствие того или иного императора в «главном» городе государства объяснялось вполне определёнными внешнеполитическими причинами, однако известные резоны ничуть не объясняют, почему у императоров имелаась потребность обращаться к столичному народу издали. Особенно абсурдно выглядит поведение именно ранневизантийских императоров, которые имели больше возможностей для пребывания в «своей» столице и непосред-

⁴ Например, С.Th. 3.30.4–331. Конституция, адресованная «всем провинциалам», именуется их «римскими гражданами», которые обладают соответствующими гражданскими правами.

⁵ Например, С.J. 4.63.4–408/409: *subiectos*. Как известно, после Константина I использование термина *cives Romani* почти полностью прекращается.

⁶ В конституциях, изданных на Западе, римскими гражданами назывались изредка жители Рима, обладавшие правом на хлебный паёк. См., например, С.Th. 14.17.5–369.

⁷ Чекалова А.А. Ук. соч. С. 162.

⁸ Если быть более точным, то в правление Феодосия I их опубликовано около 5 (точнее сказать трудно); при Аркадии – 1 (если не считать указов Гонория того же периода); при Феодосии II и Маркиане – по 2; при Льве и Анастасии – по одному. От времени правления императоров Валента, Зенона и Юстина I таких конституций не сохранилось.

⁹ Необходимо оговориться, что для анализа брались только такие конституции из обоих кодексов и сборника новелл, которые имеют определённый адресат, то есть содержат в нём слово *populus* в том или ином виде.

¹⁰ Например, при Константине I лишь около 20% письменных обращений к народу появилось собственно в Риме или в Константинополе; при этом точно не известно, были ли его указы, опубликованные в Константинополе, обращены к жителям Константинополя, или же их адресатом был народ Рима. (Подробнее сомнения и доводы по этому поводу изложены: Серов В.В. К проблеме формирования столичного статуса Константинополя // ВВ. 2006. Т. 65. С. 37–59).

¹¹ Из Аквилеи писали Валентиниан I и Грациан (соответственно, С.Th. 7.4.13 и С.Th. 11.1.18), из Медиолана – Грациан (С.Th. 13.10.8) и Гонорий (С.Th. 7.18.9; С.J. 4.40.3), из Равенны – Гонорий (С.Th. 16.5.38; 16.6.3), из Фессалоники – Феодосий I (С.Th. 10.18.2; 16.1.2).

ственного общения с народом Константинополя, но пользовались ими весьма редко: Константинополь только с 10-х гг. V в. становится местом одновременно и издания, и обнародования конституций, адресованных «к народу»¹². По-видимому, многие императоры ранней Византии не стремились к общению с константинопольцами, обращались к ним посредством эдикта изредка и только в силу какой-то необходимости. После Константина I лишь Феодосий I в IV в. выделял Константинополь среди прочих восточных городов, и вплоть до захвата Рима Аларихом «город Константина» официально считался одной из императорских резиденций, полностью уступая Риму титул «царского» города, то есть столицы *pax Romana*. Только начиная с периода правления Феодосия II эдикты, адресованные *ad populum*, становятся регулярной данью в пользу перенесённой из старого Рима традиции обращаться к населению «нового Рима» подобным способом. Но, как всякая дань, эти эдикты давались с неохотой; кажется, лишь Юстиниан I действительно испытывал потребность общаться с «народом» посредством эдиктов¹³.

При ближайшем рассмотрении дат опубликования ранневизантийских эдиктов *ad populum* становится очевидным факт издания их в начале самостоятельного правления каждого из выпускавших их императоров¹⁴. По-видимому, их появление определялось необходимостью заручиться формальным одобрением факта интронизации у «народа», который, в свою очередь, должен был видеть в этих эдиктах готовность нового императора к взаимовыгодному общению с «массами». Из данной схемы вновь выбивается Юстиниан I, который свои первые эдикты, адресованные народу, издал лишь в 533 г., т.е. через пять лет после того, как стал единоличным правителем¹⁵. Возможным объяснением именно такой датировки служит восстание Ника, в ходе которого автократор был изрядно напуган, и в дальнейшем, при первых же симптомах очередного политического кризиса в столице он стремился формально подчёркивать значение столичного люда для проводимой им внутренней политики¹⁶. Но подобная версия означает, в свою очередь, что потребность «общаться» с народом сформировалась у Юстиниана после интронизации, и была не столько данью традиции, сколько следствием реальных политических обстоятельств.

Таким образом, появление ранневизантийских указов *ad populum* было скорее связано с субъективным представлением императоров о роли столичного населения в политических судьбах империи, которое во многом основывалось на традиции считать эту роль высокой. Возможно поэтому, что отношение некоторых императоров к письменным обращениям к народу было более формальным, чем это представляется на первый взгляд.

Большинство из известных конституций, адресованных к народу Константинополя (как, впрочем, и позднеантичного Рима), являются, несмотря на точное указание адресата, по сути своей обращениями к гораздо более широкой аудитории, чем население императорской резиденции. Например, для периода правления Юстиниана I Константинополь, как место проживания этого самого «народа» и как территория действия указа, прямо упоминается всего в четырёх новеллах¹⁷. Получатель прочих конституций безличен даже более, чем сам *populus*, потому что понятие «народ» в адресате гораздо уже потенциального пользователя информацией и возможностями, предоставляемыми этими кон-

¹² С.Th. 3.1.9–415; 4.4.5–416.

¹³ Своеобразным символом и одновременно свидетельством этапов развития отношения ранневизантийских императоров к народу Константинополя можно считать форму адресата указов *ad populum*: императоры до Феодосия I обращались преимущественно «к народу» Рима, при Феодосии I появляется формулировка «к народу константинопольского города», которую однажды использовал и Феодосий II (С.Th. 4.4.5–416), но со времени того же Феодосия II надолго устанавливается форма обращения, ранее применявшаяся по отношению к народу Рима, а теперь ставшая обращением к народу Константинополя в самом Константинополе: «к народу». Юстиниан же пользовался формулировкой «к константинопольцам». В этих формулировках просматривается и эволюция столичного статуса Константинополя.

¹⁴ Так, указы Феодосия I датируются началом 380 г., эдикты Феодосия II – 415 и 416 гг. (что соответствует началу самостоятельного правления этого императора; см.: Грант М. Римские императоры. Библиографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э. М., 1998. С. 327), а соответствующие конституции Маркиана – 450 и 451 гг. Прочие указы (кроме указов Юстиниана I) не датированы.

¹⁵ С.J. 1.1.6; 1.17.2.

¹⁶ Чекалова А.А. Ук. соч. С. 255–256.

¹⁷ Nov. Just. 13; Nov. Just. 14–335; Nov. Just. 69–538; Nov. Just. 77.

ституциями. Ими вполне могли воспользоваться и жители провинций, тем более что изредка legislator упоминал рядом с народом в качестве равноправного получателя однородной правовой информации также и провинциалов¹⁸. Однако чаще текст обращений к народу не упоминал собственно народ ни единым словом. Очевидно, эти послания оглашались на площадях города и не отправлялись в провинции, и расширительный социально-демографический смысл приобретался ими позже, – либо в явочном порядке, либо после включения в кодексы. Но существовавший порядок доведения смысла указов до слушателя не объясняет отсутствия в них прямых обращений к народу и прочих нюансов, которые должны были там присутствовать, чтобы утверждать истинный (то есть политический) смысл появления этих обращений. Тем не менее, содержание всех ранневизантийских указов *ad populum* предельно конкретное и обычно не связано с политическим интересом. В тексте некоторых из них встречаются такие понятия, которые уже при обнародовании корректировали адресную направленность указа в сторону её расширения¹⁹.

Смысл большей части рассматриваемых указов совершенно не затрагивал насущных интересов широкой плебейской массы константинопольцев, которых в первую очередь должны были интересовать пропитание, жильё и развлечения, а во вторую очередь – имущественные вопросы. Вряд ли императоры IV–V вв. не догадывались об этих приоритетах²⁰. Но вместо того, чтобы демонстрировать городским жителям материальную заботу о них во всех указах, обращённых к ним, императоры касались таких проблем, которые представляли для широких слоёв города ограниченный интерес. Единственным объяснением такому парадоксу может служить предположение о стремлении возвысить упавшее гражданское самосознание и низкий моральный уровень «народа» города, в котором пребывает император; однако здесь очевидна чрезмерная натяжка. Интересно, что существуют ранневизантийские конституции, по содержанию аналогичные указам *ad populum*, которые были адресованы только префекту города²¹ или же только провинциалам²². Вероятно, в них решались возникавшие юридические коллизии и текущие задачи практического администрирования. Потому и «народ» возникал в них в качестве адресата только в определённые конкретной житейской ситуацией моменты, например, как ответ на запрос представителей этого «народа»²³. По-видимому, именно такая, в общем, вневременная ситуация, помноженная на обусловленную временем потребность власти напомнить о себе, обратившись к народу хоть с каким-нибудь заявлением, и являлись вместе главной побудительной причиной появления указов *ad populum*. Многое в этой

¹⁸ Кроме уже упомянутой конституции Констанция II, обращённой «к народу и всем провинциалам», с подобным же адресатом существует конституция Феодосия II (C.Th. 4.4.5), а также конституция Юстиниана I (C.J. 1.17.2), направленная «сенату и всем народам».

¹⁹ Так, C.Th. 16.1.2=C.J. 1.1.1–380 (адресованная к народу) апеллирует «ко всем народам, которыми управляет сорамерность нашей снисходительности» и к «римлянам» в самом широком смысле этого понятия; в C.J. 1.12.5–451 упоминается «толпа, собирающаяся на сходки в какой угодно части общины, или деревни, или какого угодно места»; конституция Льва I (C.J. 1.4.14=C.J. 11.41.7) направлена фактически «религиознейшим епископам или магистрату мест», хотя номинально адресована «демосу»; наконец, в ряде конституций Юстиниана I, адресованных константинопольцам, содержится прямое обращение к чиновникам столицы и провинций: «мы предписываем всем судьям в провинциях...» (Nov. Just. 69, cap. I); «мы предписали славнейшему префекту царского полиса...» (Nov. Just. 77, cap. I.2).

²⁰ У Евнапия имеется такое сообщение: «В наши же времена ... огромное количество продовольствия ... не в состоянии насытить пьяный демос, который Константин ... перевёз в Византий; этих людей он разместил поближе к себе, чтобы они ... рукоплескали ему в театрах» (Цит. по: Евнапий. Жизни философов и софистов // Римские историки IV века. М., 1997. С. 239). В нём весьма примечательно указание на значение пропитания и зрелищ в жизни константинопольского народа, а также на осознание данного факта императором.

²¹ Например, указы, адресованные префекту города: C.Th. 15.2.4–389 (о снабжении города водой); C.Th. 14.17.10–392 (о гражданских аннонах); C.Th. 14.16.1–409, C.Th. 14.16.2–416 (о снабжении города хлебом); C.Th. 8.7.22–426 (об обеспечении зрелищ). А вот тематика указов, адресованных к народу в те же годы: C.Th. 10.18.2–380 (о праве на найденный клад); C.Th. 16.1.2–380 (о единственно правильной христианской религии); C.Th. 3.1.9–415 (о незаконных сделках).

²² Ср., например, C.Th. 10.18.2 (к народу) и C.Th. 10.10.13 (к провинциалам), – оба поднимают проблему доносительства.

²³ Сметанин В.А. О специфике инвариантной информации «Новелл Юстиниана» // АДСВ. Вып. 32. 2001. С. 74.

связи объясняют как периоды императорского «молчания» по отношению к народу, так и периоды необычно частого обращения к нему. В первом случае – это время правления императоров Валента, Аркадия, Зенона, в последнем – период правления Юстиниана I. Например, автократ Зенон, не обращавшийся посредством эдиктов к жителям Константинополя, все важные для них вопросы решал через указы на имя префекта города²⁴. У Юстиниана же, напротив, почти нет специальных посланий префекту города (разве что бывшему), тогда как обращений к константинопольцам больше, чем за весь предшествующий период собственно ранневизантийской истории (364–527 гг.). Столь противоположные примеры, существующие на фоне остального однообразного следования законодательской традиции, подтверждают, что особой необходимости подписывать указы, адресованные «к народу», у позднеантичных императоров не было, что они во многом следовали стереотипной поведенческой линии, и что только личное желание того или иного из них, прилагаемое к решению вопроса о нужности «народных» указов, могло разительно изменить традиционную практику их использования. Последнее, впрочем, меняло практику публикации эдиктов, но не их содержание и общественное значение.

В связи с вышеизложенным становится понятным отсутствие в большинстве позднеантичных и ранневизантийских эдиктов *ad populum* намёков на какое бы то ни было «заискивание» перед городской толпой, которое лучше прочего доказало бы наличие их особого политического значения. Можно было бы возразить, что появление в такого рода официальных актах столь очевидной для плебса демонстрации политической слабости правящего режима вызывало опасения законодателей, и что «народные» указы не появлялись по той же причине в ходе действительно опасных для власти событий. Однако одно лишь опасение не объясняет полного отсутствия эдиктов *ad populum* в сравнительно «благополучные» периоды правления, например, Юстина I или раннего Юстиниана I. Поэтому думается всё же, что ранневизантийские правительства в большинстве своём не придавали таким конституциям сколько-нибудь серьёзного значения и предпочитали не использовать их просто потому, что существовали менее демонстративные и, главное, менее демократические формы политического диалога с народом. Большинство императоров следовали традиции обращаться к народу посредством эдикта только в начале своего правления. Возникавшие потом казусы, имевшие прямое отношение к «народу», решались более привычными и действенными способами – посредством рескриптов, писем или устных ответов, а иногда – посредством акций, осуществлявшихся без официального комментария. Судя по всему, традиция эдиктов умирала в позднеантичную эпоху. На некоторое время – при Юстиниане I – была сделана попытка реанимировать её. После восстания Ника Юстиниан, видимо, решил воспользоваться данной формой законотворчества как превентивной мерой против возможных волнений в будущем. Однако ничего «революционного» в ранневизантийскую практику подобных конституций он не привнёс. Всё, что отличает его в данном вопросе от предшественников, – это более осмысленный взгляд на традицию и попытка её рационального использования. Нарушая сложившийся в последнее столетие порядок издания эдиктов, Юстиниан изменил время выпуска и количество «народных» публикаций. Он издавал свои указы *ad populum* не в связи с происходящими волнениями, а в виду возможных (как ему, вероятно, представлялось) беспорядков в городе: изданные им постановления группируются по определённым годам, – как правило, по два в течение года²⁵. Годы, когда они публиковались, приходятся на сложные в финансовом отношении периоды юстиниановой эпохи²⁶. Его эдикты выглядят многословными, но это вообще характерная черта законодательства Юстиниана²⁷, проявившаяся ещё до восстания 532 г. Их содержание, в целом, традиционно для эдиктов

²⁴ Например, С.Ж. 4.59.2 (против частных монополий на торговлю продуктами питания); С.Ж. 11.43.9 (об акведуках Константинополя); С.Ж. 12.3.3 (о взносах консулов, которые расходовались на зрелища).

²⁵ 533 г.: С.Ж. 1.1.6; 1.17.2, 535 г.: Nov. Just. 13; 14, 538 г.: Nov. Just. 69; 77, 544 г.: Nov. Just. 122; 132. Как можно заметить, со временем разрыв между сериями публикаций становился всё длиннее; текстуальный анализ показывает, что и связь с Константинополем в них становилась всё менее непосредственной.

²⁶ См.: Серов В.В. Периодизация финансовой политики императора Юстиниана I // АДСВ. Вып. 32. 2001. С. 52–61.

²⁷ «Потому что всё у нас суть усердие и красноречие» (Nov. Just. 77, pr.).

ранней Византии: это определения по конкретным, но одновременно и ёмким вопросам, как правило, выходящим за пределы прав и интересов только константинопольцев²⁸. Обращаясь к народу Константинополя, император одновременно адресовал информацию и чиновникам, которых она касалась, и провинциалам, что избавляло его от необходимости многократно дублировать постановления, как это делали некоторые предшественники. Понятно, что о каком-либо откровенном «заискивании перед толпой» в тексте таких многоадресных постановлений не могло быть и речи. И если в первой из новелл Юстиниана, адресованных народу, можно усмотреть образчики угодливой риторики²⁹, то в последующих эдиктах она заменена редкими выражениями заботы о благе подданных³⁰, которые исчезают в последних указах «к константинопольцам». Напротив, в законодательстве Юстиниана I стабильно присутствуют предостерегающие и угрожающие нотки, даже крепнущие с течением времени³¹. По сути дела, Юстиниан при помощи эдиктов проводил после 532 г. профилактику волнений плебса при помощи воззвания к сознательности самих граждан города, большинство которых теоретически тоже не могла не беспокоить опасность беспорядков. При этом важнейшую политическую роль – гаранта мира и спокойствия в столице – он отводил себе³². При всём настороженном отношении Юстиниана к «народу», говорить об изменении внутренней политики императора под воздействием потенциальной опасности нового народного восстания не представляется возможным. Юстиниан I попытался превратить эдикт *ad populum* из формализованного и отмирающего вида законотворчества в равноправное с прочими средство воздействия на подданных. Но такой подход принципиально ничего не менял в характере отношений императора с «народом», сложившихся в ранневизантийскую эпоху.

Подведем итоги. Существование в позднеантичном законодательстве специального понятия «народ» применительно к населению главного города империи не могло не материализоваться в различные формы связей между властью, выделявшей данный город в качестве главного, и народом, живущим в этом городе. Одной из подобных форм и был эдикт *ad populum*. Более или менее постоянным средством общения с жителями Константинополя он становится с V в., однако в течение этого же столетия исчезает из списка коммуникативных средств. При этом применение эдикта было не более чем фор-

²⁸ Ср., например, С.Ж. 1.1.6 (против несториан и евтихиан); Nov. Just. 14 (против сводничества); Nov. Just. 69 («чтобы все повиновались судьям провинций...»); Nov. Just. 77 (против развратников); Nov. Just. 122 (запрет повышения цен и платежей); Nov. Just. 132 (запрет собраний еретиков); Nov. Just. 141 (против гомосексуалистов). В каждой из перечисленных конституций имеются прямые или косвенные указания на то, что законодатель не ограничивает их действие территорией одного Константинополя. Лишь один указ – Nov. Just. 13 («О преторах народа») – относился только к Константинополю и его жителям.

²⁹ Вот они: «Потому мы и несём труды, и соглашаемся на великие расходы, чтобы никому из наших подданных не причинялись никакие козни...» (сар. I.1); «Мы никоим образом не пренебрегаем тем, что выгодно вам (т.е. константинопольцам)», «когда мы говорим о нашей власти, то сохраняем отеческую заботу обо всех вас, заботясь о вас и уважая то, что касается каждого» (epilogus).

³⁰ «Император, следуя богу, управляет несильно и распоряжается силой кротко» (Nov. Just. 69, сар. IV.1); «мы имеем попечение обо всех», «мы постановили это для блага подданных», «мы обеспечиваем всяческое гарантство, чтобы вы не утомлялись ..., и не плакали ..., и не винули нас, будто мы этого не исправляем» (ibid., сар. IV.3); «всем людям должно быть очевидно ..., что, введенные нам богом, они живут хорошо и обретают его милость» (Nov. Just. 77, pr.).

³¹ Например: Nov. Just. 14: «А если кто-нибудь допустит ..., то выдержит наказание ... и риск...», «Ибо мы вообще запрещаем ... и наказываем...»; Nov. Just. 69: «мы не восхваляем грубую силу, которой нет у справедливости», «неправедность отцов преследует потомство»; Nov. Just. 77: «Ибо вследствие таких грехов будут и голод, и землетрясение, и моровые поветрия...», «А если и после такого нашего предостережения ..., то подвергнутся мукам, установленным законом»; Nov. Just. 122: «Мы узнали, что после порицания...»; Nov. Just. 132: «Мы желаем знать обо всех, (нарушающих предписания) и наказать нарушителей»; Nov. Just. 141: «Нам не подобает презирать проявления терпимости бога», «Мы приказываем, чтобы магистраты преследовали тех, кто нас прогневил». Да и Nov. Just. 13, по сути, не столько успокаивает горожан, сколько предписывает вводить в действие должности претора плебса обеспечивать в городе спокойствие и порядок, для чего претору и придаются весьма обширные полномочия, – вплоть до наказания смертью.

³² Например: Nov. Just. 13: «Они (т.е. преторы плебса) расследуют преступления и осаживают народные толпы, тем самым угождая ... нам»; Nov. Just. 141: «Нам подобает удерживать всех от негодных устремлений и деяний ...».

мальным следованием одной из античных традиций – обращаться к народу столицы с каким-либо заявлением. Ни смысл обращений, ни их количество не свидетельствуют в пользу того, что императоры ранней Византии видели в народе Константинополя серьёзную политическую силу. Только один из таких эдиктов (Nov. Just. 13) содержит в тексте намёк на осознание императором опасной силы народа.

Таким образом, на основе совокупности выявленных фактов можно констатировать постепенный отход ранневизантийской императорской власти от прежних, позднеримских форм коммуникативности в отношениях между властью и народом, что, в свою очередь, не может не свидетельствовать о постепенном же снижении политической роли народа в течение V–VI вв. Несомненно, императоры ранней Византии учитывали «народный» фактор, но зачастую лишь формально, не имея серьёзных оснований уделять «народу» большее внимание. Политические возможности ранневизантийской эпохи позволяли «режиссировать» поведение толпы без использования устаревших форм общения наподобие эдиктов (как, в частности, показывает история подавления восстания Никка). Не означает ли это, что роль ранневизантийского народа в политической жизни Константинополя не была особой, как о том заявляли некоторые исследователи?

EARLY BYZANTINE EDICTS ADDRESSED AD POPULUM

V.V. SEROV

Altaj State University,

e-mail: vserov@mail.ru

The article is devoted to one of the aspects of the fundamental problem of the modern byzantinistics, which is definite as a problem of the relations between authority and people in early Byzantium. The object of the research chooses imperial constitutions which were addressed to inhabitants of the capital in the period from the late of 4th to 6th centuries. As is known, the capital population acted in the Later Antiquity and Early Byzantium as one of the constitutional forces, which had participation, in certain pitch, in the destiny of the rulers. Therefore the imperial authority sometimes applied to inhabitants of main city of the country (Rome, Constantinople or other in the different times) by means of the edicts. Contents of such official documents gives an possibility to estimate both a degree of the influence of the “people factor” on the governmental politics, and the evolution of the political action forms in the stretch of the Early Byzantine epoch.

Keywords: early Byzantium, an emperor, a people, edicts, a policy.